
Александр Федорович Котс

О кадрах сотрудников Дарвиновского Музея с точки зрения вопроса о подготовке «смены»

Ограничиваясь лишь научной и научно-технической их частью, в Кадрах Дарвиновского Музея должно различать **три** группы:

1. Руководителей экскурсий — лектора и демонстраторов Музея.
2. Фактических создателей новых художественно-научных ценностей (препараторы, скульпторы, живописцы).
3. Идеальных создателей Музея — организаторов его.

1. Руководители экскурсий.

Соответственно характеру экспозиций, именно зоологических, руководители экскурсиями всего прежде должны быть зоологами, разумея под зоологом не обладателя университетского диплома, но заведомые интерес, влечение и навыки в понимании животных форм. Отсутствие такого волевого и эмоционального, а не рассудочного интереса к зоологии навсегда оставит чувство неуверенности и оторванности в отношении зоологических коллекций. Принимая во внимание возрастающее поредение молодых людей, могущих и желающих избрать «профессию» зоологов (из-за ее «безхлебности») комплектование зоологов-руководителей становится все более затруднительным.

Легче достигается — в пределах, требуемых для проведения массовых экскурсий — минимум знакомства с обще-биологической литературой (эволюционной теорией и Дарвинизмом) не смотря на скудость существующей на русском языке литературы, еще легче — с обще-идеологической стороной ведения экскурсий при наличии огромной соответствующей литературы, лекций, курсов по общественным вопросам, учитывая, что вся жизнь Союза протекает в освещении и рамках социалистической, марксистской установки.

Вряд ли нужно говорить о требованиях, предъявляемых к руководителям экскурсий в отношении дикции и лекторского дарования. Но учитывая раннее приобщение нашей молодежи к технике свободной речи, только явные дефекты в отношении последней могут послужить препятствием к участию в руководительстве Экскурсиями; При наличии интереса и старания со стороны аспиранта достаточного инструктажа можно в относительно короткий срок набрать и подготовить молодых руководителей, могущих **удовлетворительно** обслужить Музей.

Окажутся ли в их числе «талантливые» и «блестящие» руководители зависит будет от того, исходного людского материала, из которого придется «рекрутировать» желаемую смену. Представляется глубоко очевидным, что помимо знаний, общеполитических и специальных, без труда приобретаемых, помимо убеждений, также прививаемых самою жизнью, имеется ряд данных и эмоционального порядка, лишь с трудом, а частью и совсем не привив. Блестящим лектором — руководителем экскурсий может быть лишь человек, горящий своим делом и своим желанием передать другим свои познания, свой энтузиазм, человек с серьезным, вдумчивым, широким взглядом на свое призвание. Создать такого человека из несоответствующего материала равносильно было бы задаче превратить поверхностного болтуна в глубокого мыслителя, бесстрастного флегматика — в пылающего энтузиаста.

— Фактические сосоздатели Музея, его внешние строители. Живописцы-скульпторы и препараторы-художники.

<subtittle>А. В собственно-художественной части.</subtittle>

За смертью художника М.Д. Езучевского представлена В.А. Ватагиным, работающим при Музее более Двадцати лет. (с 1909 г.) Создатель подавляющего большинства картин биологического содержания и по-

чти всех скульптур, В.А. Ватагин, как талантливейший анималист-художник и скульптор-портретист, высоко ценимый и на Западе, глубоко уникален и по своему таланту, и по интенсивности своего творчества. Нетрудно видеть, что вопрос о подготовке ему смены сводится к вопросу об участии Музея к приобщении возможного его приемника к особым требованиям наших экспонатов, а не к обучению живописи и скульптуры начинающих художников. Является глубоко очевидным, что последняя задача, именно подбор и подготовка художественного молодняка, — дело Художественных мастерских и Институт (ВХУТЕМАСА и других) располагающих потребным аппаратом для выискивания соответствующих молодых талантов и несущих полную ответственность за выбор, подготовку и умения выпускаемые кадров.

Очень может быть, что сохранись при ВХУТЕМАСЕ кафедра Анимализма, в свое время занимавшаяся Ватагиным, последнему и удалось бы подготовить для себя приемников. Но ликвидированная в 1919 году означенная кафедра не может быть воссоздана при Дарвиновском Музее, не обладающим ни помещением, ни средствами, ни аппаратом для выискивания по Союзу соответствующих талантов. В лучшем случае Музею нашему приходится использовать те редкие, эпизодические самородки, тот «отсев» который изредка, случайно попадает среди случайных посетителей Музея. Два примера:

I. 1921 год. Из глухой провинции, от молодого прирожденного художника- натуралиста поступает просьба о принятии его в число студентов I МГУ. Как числящийся по другому округу и не вполне желательный по социальному происхождению (не рабочий, не крестьянин, а служащий Водного Транспорта) молодой зоолог получает форменный отказ. Бумаги возвращаются обратно. Бегло ознакомившись с работами молодого человека и убедившись в его дарованиях, пишущий эти строки потребовал все дело, горячо отстаивал перед Приемной Комиссией отвергнутого ею кандидата. Дело было пересмотрено и молодой зоолог оказался принят. Превосходно окончив Университет, оставленный как аспирант, этот отвергнутый когда-то молодой зоолог — ныне известный и в Америке ученый, автор ряда замечательных работ, один из первых, чтобы не сказать самый талантливый у нас и самобытный молодой фаунист, блестящий популяризатор и один из наших выдающихся художников-анималистов. /А.Н. **Формозов**/.

II. 1926 г. Сходное же обращение из провинции. Юноша, почти подросток, прирожденный художник и натуралист напрасно стучится в I МГУ: как не рабочий и не крестьянин (сын учительницы) мальчик попадает во II-й МГУ на Педфак. Случайно увидав рисунки и биологические дневники, явно свидетельствующие о бесспорном даровании их автора, пишущий эти строки с огромным напряжением сил, в сознании недопустимости, преступности оставить без прямого приложения такого дарования, добился перевода юного художника-натуралиста на **Физмат** I МГУ. Еще будучи студентом, ныне этот молодой зоолог, по признанию ряда ученых — совершенно исключителен по дарованию, будучи одним из первых наших молодых художников- анималистов, постоянно привлекающийся к участию в газетах, издающихся отчасти даже за пределами Союза. По заявлению первого ? художника-натуралиста В. **Ватагина** — единственный возможный ? ему преемник. /Н.Н. **Кондаков**/.

Сказанное о живописной их скульптурной части, о Ватагине, в гораздо большей части приложимо и к художественно-таксидермической, и к главному создателю Музея, препаратору Федулову, наглядно полувекательней творческой работой показавшего, что может дать (и лишь единственно оно...) соединение:

- a. технического мастерства, даваемого долгим опытом,
- b. строжайшей добросовестности к работе и
- c. врожденного таланта.

От наличия этих трех свойств у будущих преемников тов. Федулова зависеть будет и достоинство последних, и реальное решение вопроса об успешной подготовке «Смены» препараторского персонала.

- a. Сложные, многообразные, охватывающие до десяти различных знаний (выполнение работ: железных, плотничных, токарных, резных, скорняжных, сырейнных, прошивных, скульптурных, муляжных, препараторских, малярных, декоративных) эти внешние, технические данные при многолетнем опыте, настойчивости аспиранта все же могут быть усвоены и целиком зависеть будут от горячей преданности делу.
- b. Принимая во внимание что о надлежащей подготовки препаратуемых материалов, большинство людей, именующих себя «препараторами» и занимающих соответственные должности в московских и провинциальных музеях, не имеет ни малейшего понятия. Долгими днями и порой неделями приходится сидеть

не отрываясь от работы по отчистке полуразложившихся звериных шкур, купая руки в мышьяковистых растворах, среди смрада от звериных трупов, при непрекращающихся нарывах на ? и часто вынужденным удлинением рабочих дней.. и все это за скромное вознаграждение в несколько сот рублей. Именно эту месячную плату получает препаратор Дарвиновского Музея, первый мастер по Союзу и один из первых вообще в Европе со своим 30-ти летним стажем! Ту же плату получает, как известно, и любой едва окончивший школу слесарь, не ? и уже о тысячах металлистах, получающих неприличную выплату за свою работу. Каким образом заставить молодых рабочих-металлистов променять свой хорошо оплачиваемый труд определенно специальности на обнимающий до десяти различных знаний, вредный для здоровья, редкий в отношении спроса и столь низко оплачиваемый труд крусидермиста-препаратора — есть вопрос, от разрешения которого зависимо будет и решение проблемы «кадров» препараторов.

Особенно необходимо указать, что именно в таксидермическом искусстве более, чем где либо достоинство работы — дело совести рабочего. Как подготовлена, отчищена, отравлена намеченная к постановке — остается тайной препаратора. Никакой ударностью и соцсоревнованием, никаким контролем невозможно обеспечить качество работы! Сходные по виду, по наружному достоинству, два препарата могут обнаружить свою полную неравноценность только по прошествии целого ряда лет: один — переживая поколения людей, другой — делаясь жертвой моли и других вредителей по истечении немногих лет. Не даром от десятков «препараторов» работавших в Москве до Революции (Бланк, Сенькин, Середин, Крейзман и другие) ничего не сохранилось по музеям, а оставшиеся препараты все заражены и представляют лишь угрозу для коллекций; только препараты, созданные фирмой Лоренца, десятки лет стоят без изменения, той фирмой Лоренца, где получил свое первоначальное образование и самородок-препаратор Ф. Федулов.

- с. Но допуская даже выполнение двух первых обязательных условий: овладение сложнейшей техникой и прирожденной добросовестности к делу остается третье и последнее условие, от выполнения которого зависит и значение первых двух. Мы разумеем прирожденные талант и дарование: чувство формы и художественного чутья.

Хорошо известно, как известные директора зоологических музеев и у нас, и за границей, обнаруживают часто полную беспомощность в оценке препараторских работ, за неимением этого элементарнейшего чувства формы.

Только этой «слепотой» на линии и формы можно объяснить тот факт, что и доселе множество зоологических музеев пополняются «пародиями» на чучела или вернее подлинными «чучелами», оскорбляющими глаз своею неправдивостью, неэстетичностью.

Не трудно видеть, что вопрос о подготовке «Смены препараторов» вернее о создании их зависит от тех требований, которые мы будем предъявлять к мастерству. Для тех, которые довольствуются работой существующих в Москве препараторов, вопрос решается до нельзя просто. Стоит рациональнее распределить имеющийся персонал, привлечь безработных препараторов, имеющих на Бирже и работающих по провинции отчасти не по специальности и порывающихся в Москву.

При более высоких требованиях придется возбудить вопрос об учреждении особых долгосрочных (многолетних) Курсов для таксидермистов, поручив начальное их обучение имеющимся в Москве свободным препараторам, достаточно умелым для преподавания элементарных знаний. Более продвинувшимся определенным в своих способностях Дарвиновский Музей не отказал бы консультативной помощи в лице Ф.Е. Федулова. Всецело поручать последнему ? начинающими — столь же рационально, как доверить преподавание элементарного Курса Физики в начальной школе — академику Иоффе или заведующему Ликбезом — Горькому.

В отношении самого Музея препараторская смена в скромной степени имеется в лице племянника Ф.Е. Федулова — Д.Я. Федулова. Хотя и уступающий своему дяде, молодой Федулов все же в скромной степени готовит ему смену по отделу мелких птиц и небольших зверей.

Из сказанного явствует, что разрешение вопроса о «музейской смене» целиком зависит от тех требований, которые мы будем предъявлять к работникам. То обстоятельство, что из десятков препараторов, когда то вышедших из школы Лоренца за тридцать с лишним лет лишь трое оказались даровитыми (Д.Т. Шеловнин, М.А. Колин и создатель Дарвиновского Музея Ф.Е. Федулов), — что за десятки лет и среди сотен скульпторов, окончивших Художественные училища не нашлось лица, могущего сравниться по таланту с

самоучкой В. Ватагиным, и что единственный пока приемник этого последнего по живописной части, Кондаков, является в еще гораздо большей мере «самоучкой» — который говорит о том, что говорить о регулярной смене этих совершенно уникальных дарований не приходится.

3. — Все сказанное до сих пор в еще гораздо большей мере приложимо к заключительному пункту — именно к вопросу о подготовке «смены» для самих организаторов Музея. Сложный вообще вопрос этот особенно благодарен потому еще, что говоря об этом пункте автору приходится невольно говорить про самого себя.

Как и в предыдущих случаях, решение вопроса в сильной степени зависит от размеров требований, предъявляемых к организатору Музея: понимает ли под «сменой» лиц, могущих лишь поддерживать и в лучшем случае достраивать детали существующего или продолжать и в будущем теперешний размах оригинальной творческой работы.

Не касаясь чисто индивидуальных, персональных данных, крайне специфических особенностей наследственности, воспитания, образования и жизненного опыта, сыгравших самую решающую роль в создании Дарвиновского Музея пишушим эти строки, — ограничимся перечислением лишь внешних требований для руководителя-организатора Музея типа Дарвиновского:

1. Интерес и знания в сфере систематики, фаунистики и Биологии высших позвоночных, общей биологии, Сравнительной Анатомии, Анатомии человека, Эволюционной Теории (зоолог и сравнительный анатом по образованию, автор (кроме печатных трудов по четырем первым дисциплинам) в продолжение ряда лет работал по сравнительной анатомии обезьян и человека и читал университетский Курс «Анатомии человека с эволюционной точки зрения». Без такого опыта заведомо бы невозможно были бы работы Дарвиновского Музея по реконструкции людей «Каменного Века».)
2. Не меньший интерес к истории Науки и к сопредельным с ней вопросам философии. (Без этих интересов невозможны были бы создание картин и бюстов из истории эволюционного учения).
3. Музеологические данные (врожденное) чувство формы, понимание животных линий — первое, необходимое условие для руководства экспозицией в зоологическом Музее. (40-летний опыт автора).
4. Личный опыт в препараторском искусстве — без которого немислимо руководство работой препараторов. (40-летний опыт автора, дважды получавший серебряные медали за свои работы, переделавший свыше тысячи чучел зверей и птиц собственными руками и прошедший лично всю муштру препаровальной школы).
5. Причастность — хотя бы и скромная к искусству, наличие художественного глаза в отношении живописи и скульптуры (автор долгие года — на гимназической скамье — брал специальные уроки живописи и рисования животных у анималиста-художника Н.А. Мартынова, учителя Ватагина и одновременно с последним.)
6. Интерес и опыт в деле популяризации науки (автор — давний лектор Общества Народных Университетов, еще 30 лет тому назад не мало времени отдавший чтению лекций для Рабочих на заводских предприятиях Москвы).
7. Лекторские дарования: косноязычному директору Музея невозможно доверять ни критику, ни подготовку кадров музейских руководителей. (30-летний опыт автора как лектора Высшей школы и Рабочей аудитории)
8. Знание по меньшей мере двух иностранных языков, элементарнейшее требование для всякого ученого, оно еще необходимее для жизни Дарвиновского Музея при его обширных связях с Западной Европой и Америкой, приемами иностранных ученых и перепиской с ними в целях получения биографических и исторических материалов, без которых невозможно было бы создание соответствующих экспонатов — живописных и скульптурных).
9. Здоровый демократизм в общении с сотрудниками Музея и готовность разделить с последними любую срочную работу в целях поддержания бодрости и энтузиазма (Только этим непосредственным участием во всех работах Дарвиновского Музея удалось его заведующему обеспечить неослабный темп и размах деятельности Музея в самые тяжелые, голодные, катастрофические годы).

10.Обще-идеологическая, политическая ориентация (автор едва ли не единственный биолог Высшей Школы, работавший в контакте с Наркомпросом (при Комиссаре П.К. Штернберге — осенью 1917)

Таковы те скромные и внешние технические данные, без обладания которыми заведомо и совершенно невозможны были бы создание Дарвиновского Музея в современном его виде. Опускание хотя бы одного из них немедленно же отразилось бы на всей его работе в смысле понижения теперешнего темпа или интенсивности ее.

Является глубоко очевидным, что среди 200-миллионного населения Союза и нашлись бы лица, в разной мере удовлетворяющие этим требованиям, но задача выявления таких людей не может быть возложена на Дарвиновский Музей. Достаточно сказать, что за пятнадцатилетний опыт в высшей школе, среди сотен молодых зоологов, прошедших перед глазами автора, не встретилось ни одного могущего хотя бы в слабой мере совместить хотя бы половину вышеприведенных очень скромных данных, лиц, способных и желающих всецело посвятить себе музейской деятельности.

Зоологи-фаунисты замыкались в изучение местной фауны и чуждались экзотической (более важной для Музея); — Систематики имели отвращение к анатомии; — Фенологи — натуралисты типа Биостанции — и зоогеографы — чуждались всех других биологических наук, стоявших за пределами их непосредственного интереса; — Лица со влечением к музейской, экспозиционной деятельности не чувствовали ни малейшего влечения к общей биологии, к науке вообще; — Талантливые художники и превосходнейшие наблюдатели природы запротестовали бы при мысли променять живые наблюдения в природе изучением чучел в каменных стенах музея. Превосходные писатели-натуралисты оказывались косноязычными; — Лица, интересовавшиеся общими вопросами — чуждались эмпирической науки; — совмещавшие то и другое — представляли из себя академических ученых и нередко «дутых» бюрократов. И никто из перечисленных людей, вернее типов начинающих натуралистов не прельстился бы избрать глубокоспециальную профессию сотрудника Музея Дарвиновского типа, без надежды применить полученный там опыт и в другом музее (за отсутствием аналогичных) и за жалование в 80-90 рублей, вдвое уступающее ассистентскому при Университете.

Но еще труднее, разумеется, задача подыскания требуемых лиц из не-зоологов, ничем не выдающих специфических своих наклонностей и дарований. Очень может быть, что таковые лица и нашлись бы, лица, лишь случайно не пробившиеся к средней или высшей школе. Возлагать, однако, на директора Дарвиновского Музея подготовку для себя приемников из этих лиц — сводилось к попытке возложить на это учреждение обязанности Рабфака или высшей Школы.

Несомненно, что в науках прикладных, технического свойства всякого образования, самоучки, пробивались до больших успехов в роли техников и инженеров, но конечно не минуя тех необходимых требований, которые к ним предъявляла их профессия, в сфере науки — скажем, физики и математики. А между тем, для Дарвиновского Музея зоология есть то же, что для Инженерного или строительного Института физики и математики. Можно пробиться в инженеры или физики помимо Университета или Техникума, но конечно, не помимо — физики и математики. Можно стать талантливым, ценнейшим руководителем экскурсиями в Дарвиновском Музее и без средней или Высшей школы — но, конечно — не минуя прирожденного влечения к зоологии или большого, длительного опыта именно в этой сфере. И как невозможно было бы произвести разумного подбора будущих инженеров, принимая в соответствующие Вузы **всех** желающих, без отношения к их математическим способностям, — также малорационально было бы комплектовать в сотрудники Зоологических музеев лиц, ничем не доказавших специфических своих наклонностей и данных.

Не располагая никакими рациональными, организованными средствами для розысков таких определившихся в своих влечениях и способностей, но почему то не попавших на Рабфаки или в Университеты энтузиастов (только энтузиазм может побудить талантливого человека променять прекрасно обеспеченную будущность строителя и инженера на профессию зоолога и музеолога) — Дарвиновский Музей из года в год внимательно присматривается к отдельным посетителям его. Эта надежда на возможность отыскать среди последних нужных и талантливых сотрудников и побуждает пишущего эти строки уделять большую часть времени, свободную от организационной и научной деятельности, работе в выставочных залах с более ответственными группами: Рабфаковцев, Педтехникумов и учителей. Содействуя квалификации самих участников экскурсий и в известной мере подготовке кадров методистов-просвещенцев, эти продолжаемые из года в год занятия директора Музея с тысячами экскурсантов продиктованы также надеждой, что из массы посетителей, узнавших о значении Дарвиновского Музея из уст его создателя укомплектуется со временем достойные ему преемники.

Нет ни малейшего сомнения, что современные условия работы Дарвиновского Музея и теперешний размах его работ лишь временны, и что впоследствии при переходе в собственное, специально приспособленное здание, когда гуляющие ныне по рукам коллекции замкнутся наглухо в стальные и зеркальные шкафы, а трепетное и живое слово лектора заменится печатными плакатами, и этикетками, — вопрос об энтузиастах-лекторах — руководителях экскурсий теряет свою нынешнюю остроту: Блеск задания и стен, и экспозиции заменят блеск свободного, живого слова лектора...

И то же в отношении фактических создателей Музея, препараторов-художников. Настанет время, когда люди, посетители Музея будут удивляться, что за месячное жалование, не обеспечивавшее элементарных требований жизни, находились преданные делу люди, создававшие «из ничего» сокровища Музея...вдохновляемые скромным знанием и.. дерзким энтузиазмом основателя его..

Наступит время и найдутся более обычные и общепринятые способы обогащения Музея и организации его, приемы, более обычные, простые, но и менее женственные, персональные.. И пусть среди ближайших поколений посетителей музея сохранится светлое предание, что было время, героическое и ответственное время, когда в скромных залах Дарвиновского Музея роль печатанной бумаги надписей и этикеток заменялась трепетной, живую речью, и когда не отделенные стеклом и сталью обитатели шкафов общались с посетителями, когда новые идеи, планы экспозиции Музея обсуждались не на заседаниях Советов и Комиссий, а бессонными ночами в сердце, в мыслях основателя Музея, долгими годами непоколебимо охранявшего свой пост и на участливо-нетерпеливые опросы и друзей и недругов: — «Идет ли смена?» твердо отвечавшего обоим: — «Еще нет! Но я зову и..я дождусь ее!»